Способен ли ЕС на новую восточную политику?

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

На доминирующих сейчас подходах к дилеммам на востоке ЕС далеко не уедет. В существующих условиях для самого Евросоюза и для стабильности на континенте успешной может быть только философия разрядки через прагматичное региональное сотрудничество. Но сможет ли Евросоюз ее реализовать в виде новой восточной политики?

Содержание

1 Забытая и перекрученная суть восточной политики ФРГ
2 Альтернативы просто нет
3 Как сейчас может выглядеть новая восточная политика ЕС?

Эта статья завершает мини-серию рассуждений о том, что основные стратегические дилеммы Европейского союза находятся не в трансатлантических отношениях с США, а на востоке. То есть в отношениях с Россией, странами-соседями в Восточной Европе и на Южном Кавказе, а также Китаем. Именно в этих отношениях у ЕС и его отдельных стран-членов очень много открытых вопросов, ответы на которые будут зависеть не столько от внешних факторов, сколько от решений и действий самой Европы. И у европейских стран, по крайней мере в теории, есть все необходимое, чтобы начать реализовывать на этих восточных направлениях такую политику, которая в наибольшей степени будет соответствовать их собственным долгосрочным потребностям и одновременно способствовать региональной стабильности.

В первой публикации мы объяснили, почему в отношениях с Россией одной лишь ставки на силовое сдерживание Москвы Евросоюзу недостаточно. Во второй статье мы показали, как незалеченные родовые травмы инициативы «Восточное партнерство» лишили ЕС рамочных условий для эффективной политики в регионе

непосредственного соседства на востоке. Однако и там, и там речь шла в основном о критике подходов и приоритетов, которые доминируют в ЕС. Теперь же, по принципу «критикуешь – предлагай», попробуем порассуждать о том, какие очертания в имеющихся международных условиях могла бы приобрести политика Европейского союза в отношении вызовов и возможностей на востоке.

И сразу выдвинем два основных тезиса. *Во-первых*, очевидно, что на доминирующих сейчас подходах к восточным дилеммам ЕС далеко не уедет. В его интересах как можно скорее выработать, согласовать и начать воплощать в жизнь новую философию своей восточной политики. *Во-вторых*, в существующих условиях для самого Евросоюза и для стабильности на континенте успешной может быть только философия разрядки через прагматичное региональное сотрудничество.

Забытая и перекрученная суть восточной политики ФРГ

Другими словами, можно сказать, что сегодня ЕС нужно новое прочтение легендарной восточной политики (Ostpolitik) ФРГ в годы Холодной войны. Притом новое прочтение должно подразумевать не только адаптацию тех идей под современные геополитические и внутренние условия, но и возврат к их корням. Ведь за последние десятилетия они были не просто забыты, а во многом перекручены и даже оболганы в массовом сознании.

> То, что сегодня многие понимают под Ostpolitik и в чем обвиняют ее сторонников, часто имеет мало общего с реальной восточной политикой тех времен и с приведшей к ней логикой.

Как справедливо подчеркивает Ханс Кунднани, Ostpolitik, которую в 1970-ые годы реализовывали западногерманские социал-демократы, это принципиально не то, что затем стало пониматься под политикой в отношении России уже объединенной Германии. Оригинальная версия Ostpolitik, вдохновленная Эгоном Баром и его знаменитой речью 1963 года в Тутцинге, основывалась на идее об «изменениях через сближение» (Wandel durch Annäherung). То есть он утверждал, что позитивные для ФРГ и всего западного мира перемены в политике СССР, ГДР и других соцстран с более высокой вероятностью наступят не в результате тотального сдерживания, давления и бескомпромиссной конфронтации с советским блоком, а благодаря открытому диалогу и разрядке. После же

окончания Холодной войны правительства Германии под руководством Герхарда Шредера и Ангелы Меркель преобразовали политику Бара-Брандта в идею об «изменениях через торговлю» (Wandel durch Handel).

В чем разница? В том, что это две принципиально разные философии. Даже в теоретическом плане они базируются на постоянно оппонирующих друг другу школах мысли.

> Подход Бара и Брандта основан на теоретической школе реализма. А то, что после 1991 года делали власти уже объединенной Германии – это чистой воды либеральная теория.

В реалистской картине мира архитекторов Ostpolitik сближение с советскими антагонистами подразумевало деэскалацию и диалог с целью помочь сторонам лучше понимать друг друга и уйти от проблемы постоянной, как ее называют психологи, негативной атрибуции. То есть приписывания оппоненту лишь агрессивных намерений, что в международной политике всегда ведет к обострению напряженности, гонке вооружений и другим «прелестям», в том числе войнам. У властей ФРГ не было цели изменить СССР и весь советский блок, демократизировать или еще как-то повлиять на их внутреннее развитие. Они стремились снизить градус военно-политического противостояния, а также изменить в сторону смягчения политику СССР в отношении Запада, ФРГ и, в частности, вопроса о будущем Германии.

В противоположность этому подходу логика «изменений через торговлю» базировалась уже на либеральной теории. Она заключалась в том, что через усиленное экономическое взаимодействие можно не только снизить вероятность войн, но и также направить Россию и другие страны на востоке в сторону безвозвратных рыночных реформ и демократизации по западному образцу. Проблема в том, что при таких ожиданиях и целеполагании из Wandel durch Handel ушло основное зерно логики реалистов: снижение конфронтационности и повышение сотрудничества за счет принятия и лучшего понимания друг друга.

Интересные академические дискуссии об этих двух подходах и теоретических школах, на которых они основаны, оставим за рамками нашей статьи. Ограничимся констатацией, что либеральное прочтение Ostpolitik (даже не просто прочтение, а его эволюция за последние два десятилетия) действительно привели многих на Западе к фрустрации по поводу невозможности изменить восточных

партнеров в соответствии с западными представлениями. Сейчас фрустрация и вовсе вылилась в мейнстримные крайности с тотальным и совершенно необоснованным обвинением Ostpolitik во всех смертных грехах.

Альтернативы просто нет

Такие крайности, как и любые другие, несут в себе множество опасностей. И главная из них в том, что альтернативы возврату к корням реалистских идей Бара и Брандта о восточной политике нет. Вернее, альтернатива есть, но она сводится к постоянным кризисам, нестабильности и снижению уровня и качества жизни для всех.

Как мы писали ранее, курс на бескомпромиссное противостояние с Россией, жесткое оппонирование Китаю и давление на страны Восточной Европы и Южного Кавказа с целью изменить их внутреннюю и внешнюю политику просто лишен смысла. Он уже многократно доказал за последние два десятилетия свою несостоятельность. В том числе в плане того, что таким курсом ЕС стреляет себе в ногу, подрывая собственные интересы в области безопасности.

Единственным долгосрочным результатом сохранения такого курса или чего-то похожего будет то, что восточное соседство превратится для ЕС в еще больший источник рисков и проблем. В такой ситуации он будет постоянно подчеркивать и усугублять уязвимости ЕС и тем самым акцентировать невозможность его реальной стратегической автономии. Из-за этого неизбежно будут нарастать и противоречия внутри Союза.

> Самое интересное, что даже милитаризация ЕС и создание на его пространствах мощного и автономного военно-промышленного комплекса, что Брюссель сейчас объявил главным долгосрочным приоритетом, также невозможны при сохранении тотальной конфронтационности на восточных векторах.

Чтобы эти приоритеты стали действительно достижимыми и не подорвали европейское благосостояние и конкурентоспособность, ЕС необходимо восстановить хотя бы минимального взаимодействия с Россией по энергоресурсам.

Как сейчас может выглядеть новая восточная политика ЕС?

Но вернемся к вопросу о том, как сегодня могла бы выглядеть современная Ostpolitik ЕС.

Несмотря на то, что мы рассуждаем о политике Европейского союза, любые отношения – это, конечно же, дорога с двусторонним движением. Поэтому понятно, что для начала качественного поворота в стратегии ЕС и для его последующей успешной реализации нужны хотя бы минимально способствующие им действия со стороны России, Китая и стран «Восточного партнерства».

Также понятно, что просто перейти к открытому диалогу и плодотворному сотрудничеству в условиях российско-украинской войны и других сложных обстоятельств невозможно. Но никто, кроме популистов, и не обещает быстрых и легких достижений. К слову, говоря об идеях диалога и сотрудничества в годы Холодной войны мы склонны вспоминать о результатах этого процесса и идеализировать его. Но следует помнить, что начинался он тоже в крайне сложных и совсем не благоприятствовавших такой политике условиях. Именно тем и ценны для современной ситуации уроки тех лет.

Первый и, наверное, самый сложный шаг в сторону новой восточной политики ЕС – принять реальность такой, какая она есть. Даже если она сильно не нравится. Зафиксировать существующую реальность без «розовых очков» и опасений выглядеть недостаточно принципиальным. Именно такой первый шаг в начале сделали Эгон Бар и Вилли Брандт.

> Принятие реальности не равнозначно согласию с тем, что другой, лучшей реальности не может быть. Наоборот: единственный способ на деле, а не на словах изменять реальность в сторону чего-то более благоприятного – это трезво и ответственно принять то, что есть сейчас.

Так, сегодня ЕС только выиграл бы, если бы как можно быстрее свыкся с реальностью, что мир в целом и Европа в частности уже давно не живут в долгих 1990-х.

На базе принятой реальности должна формироваться и цель – изменения, к которым стремятся. Для достижения важных результатов цели также должны быть реалистичными. Сразу же подчеркнем: реалистичные – не значит неамбициозные. В 1970-е годы для ФРГ такой естественной целью было объединение Германии. Сейчас для всего ЕС так же естественно выглядела бы

цель сохранить мир на континенте, не загоняя при этом себя в еще большую стратегическую зависимость от других государств и обстоятельств, которые европейцы в полной мере не могут контролировать.

Наконец, еще один важный исторический урок для возможной новой восточной политики ЕС – большие позитивные изменения, как правило, требуют очень долгой и кропотливой работы, неблагодарной и часто даже неприятной для политиков и дипломатов. К таким большим целям в международных отношениях сложно двигаться наскоком или красивыми заявлениями перед камерами. Новая Ostpolitik может стать успешной реальностью только шаг за шагом, в изнуряющем труде и за закрытыми дверями.

Звучит, конечно, не очень многообещающе, но другого рецепта успеха у нас для ЕС просто нет.

Чтобы не завершать на такой неоднозначной ноте, добавим еще, что историческая параллель с политикой правительства Вилли Брандта выглядит интересной для ЕС еще вот по какой причине. Как отмечал сам Эгон Бар, разворот в сторону Ostpolitik был бы невозможным, если бы его не поддержали американцы. Вашингтон увидел свой интерес в восточной политике ФРГ на пике Холодной войны. И есть хорошие основания полагать, что еще больший свой интерес он может увидеть сегодня в новой восточной политике ЕС, основанной на философии разрядки через прагматичное региональное сотрудничество.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»